

Красная пирамида

Н. Н. Артамоновой

В общем, Юра перепутал Фрязино с Фрязево и уехал не туда. Наташа все объяснила ему: Ярославский вокзал, направление Фрязево или Щелково. Ее станция — Загорянская, где не все электрички останавливались. Фрязевская останавливалась, а фрязинская — совсем нет. Юру угораздило сесть на фрязинскую.

— Есть электричка в шесть пятнадцать, она ходит по будням регулярно, — говорила ему Наташа, стоя у станции метро “Динамо” и облизывая мороженое, зажатое двумя круглыми вафлями, которым Юра угостил ее. — Всегда у нас останавливается.

— И сколько часов... ммм... ехать? — сострил Юра, громко и много откусывая от своего мороженого вместе с вафлей.

— Сорок пять минут, — улыбнулась Наташа. — К семи будете у нас.

Они встречались третий раз, но почему-то так и не перешли на “ты”.

— Большая компания?

— Маленьких не бывает! — рассмеялась Наташа, потряхнув головой.

Она всегда так делала, когда говорила что-то веселое. У нее это выходило как-то чересчур искренне, что даже слегка граничило с глуповатой наивностью, но она не была глупой, Юра это быстро понял. Вообще, она все больше нравилась ему: не-большого роста, стройная, смуглая, подвижная, почти всегда улыбающаяся. Явно с примесью южных кровей. Что-то молдавское, армянское, а может, еврейское. Но Юра пока не спрашивал о корнях. От Наташи всегда шла волна радости. Ее волосы были черными, заплетенными в две тугие косы, обвивающие голову.

— Когорта поклонников предполагается? — Он быстро расправлялся с потекшим мороженым.

— Непременно! — Наташа снова потрянула головой.

— Дуэльные пистолеты у вас найдутся?

— Есть папина двустволка!

— Патроны — за мной.

— Договорились!

Глядя на ее смеющиеся, мокрые от мороженого губы, Юра представил их первый поцелуй. В сирени, например.

— У вас растет сирень? — спросил он.

— Росла. Рос-кош-ная! Но куст совсем вырос-дился. Папа срубил. Ма-а-аленький кустик остался.

Наташа доела вафли, достала из кармана жакета платочек, вытерла губы, подняла свой портфель, стоявший все это время у ее стройных смуглых ног, взяла его в обе руки, прижала к животу:

— Ну, я пошла.

И добавила, наклоня голову вперед и глядя исподлобья:

— До субботы, Юрий.

— До субботы, Наташа! — Юра поднял и сжал кулак.

Она стремительно развернулась и быстро пошла в метро. Так же стремительно она разворачивалась тогда на бревне в спортзале, когда Юра впервые ее увидел. А потом прошлась по бревну легким колесом, оттолкнулась, спрыгнула, развела руки, запрокинув лучистое лицо.

Она была перворазрядница, училась в педагогическом, участвовала в студенческой спартакиаде, о которой Юра, студент второго курса журфака МГУ, делал репортаж для университетской многотиражки. Там и познакомились. Сходили в кино на французский фильм “Под крышами Парижа”, который оба уже смотрели: Юра — один раз, Наташа — трижды.

Гуляли в парке Горького.

И Наташа пригласила на день рождения.

И вот... Юра проехал мимо.

В подарок он вез бутылку шампанского и томик стихов Уолта Уитмена в переводе Корнея Чуков-

ского. Эта книга, красиво изданная в издательстве “Академия”, стояла у них дома среди множества других книг, собранных еще дедушкой. Юра только однажды заглянул в нее, полистал и поставил на полку. И вспомнил, только когда задумался о подарке Наташе. Стипендию он уже потратил на три американских джазовых пластинки, купленных на Кузнецком у спекулянтов. Оставшихся денег хватило только на шампанское. У родителей Юра уже два месяца принципиально не просил.

“Красивая книга, хороший поэт...” — подумал он и положил Уитмена вместе с шампанским в свою сумку желтой кожи, с ремнем через плечо.

А в электричке зачитался Уитменом. И слишком поздно понял, что едет не туда.

— Не подскажите, когда Загорянка? — спросил он у худого хмурого старика с палкой и бидоном в сетке.

— Никогда, — лаконично ответил старик. — Не на то сел.

— Как?

— Так. Фрязинская в Загорянке сроду не останавливалась.

Юра вскочил, глянул в окно. Там ползли кусты и телеграфные столбы.

— И что же...

— Следующая — Зеленый Бор. Там сойдешь, вернешься до Мытищ, потом сядешь на фрязевский поезд.

— Черт! — Юра бессильно ударил кулаком по ладони.

— Черт тут ни при чем, — произнес старик и хмуро уставился в окно.

Ругая себя кретином, Юра взял сумку и вышел в тамбур. Здесь не было одной двери и гулял июньский воздух.

— Слышь, кореш, дай закурить! — раздалось за спиной.

Юра обернулся. Шпанистого вида парень стоял в углу тамбура, привалившись к стенке. Юра его вовсе не заметил, когда вошел. Недовольно глянув на парня, достал из кармана брюк ополовиненную пачку сигарет “Астра”, спички. Взял себе сигарету, протянул пачку парню. Тот оттолкнулся от стенки, шагнул в широких черных брюках, молча вытащил сигарету, сунул в губастый рот. Юра зажег свою, кинул спичку за плечо.

— Дай огня в зубы! — попросил парень.

Юра помедлил, думая сказать парню: “Свои пора завести”, но потом чиркнул спичкой, поднес. Парень закурил. У парня было бледное худое лицо с широкими скулами и скошенным подбородком.

— Зеленый Бор скоро? — недовольно спросил его Юра.

— А хер его знает, — ответил парень. — Я к корешам в Ивантеевку еду. Не отсюдова. Ты тоже?

Юра слегка кивнул.

Парень тускло осмотрел Юру, снова привалился

к стенке и, с сигаретой в мокрых губах, полуприкрыл глаза.

Юра отвернулся, выпуская дым в дверной проем.

Электричка тащилась неспешно.

“Ползет как черепаха, — зло думал Юра. — Кретиноид. Идиотиум. Дуроплезиус...”

Быстро докурил сигарету, метнул окурочок в ползущую мимо пыльную зелень. Вернулся в вагон. Все те же пассажиры все так же сидели на своих местах. Некоторые посмотрели на Юру, как ему показалось, с усмешкой.

“Способен вызывать только смех. И поделом”.

Юра открыл Уитмена, стал читать. Через восемь страниц хриплый голос в динамике объявил: “Зеленый Бор”. Подхватив сумку, Юра вышел в тамбур, где уже не было губастого парня, но стояли три женщины разных возрастов: старуха, полная дама и девочка.

Электричка затормозила с противным скрежежом. Юра сошел вслед за женщинами, огляделся. Немногочисленные пассажиры сошли на деревянный перрон и двинулись в сторону виднеющихся за зеленью деревенских домиков. Электричка уползла. Поняв, что надо перебираться на противоположную платформу, Юра спрыгнул на шпалы, перешел, шагая через нагретые солнцем рельсы, обогнул платформу, обнаружил деревянные ступени, поднялся. На перроне не было никого. Валялись редкие окурки. На длинном решетчатом щите

с приделанными буквами висело только “БОР”. Вместо “ЗЕЛЕНЫЙ” различались лишь тени букв.

— Зеленый на ремонте... — хмуро пошутил Юра, подошел к лавке с облупившейся белой краской, сел.

Глянул на свои часы “Луч”, подаренные ему отцом после поступления в МГУ: 18:42.

— Начнут без меня...

Достал сигареты, но передумал. Убрал.

— Идиотиум! — произнес он, сощурился на застрявшее в соснах солнце и сплюнул на пыльный, зашарканный настил.

Прошло 12 минут.

Потом еще 13.

Потом 20.

Поезда не было.

— Вот и пиздекс. С днем рождения, Наташа!

Юра встал, пошел по перрону. На нем тоже по-прежнему не было ни души. Солнце уже скатилось ниже, промеж сосновых стволов.

С сумкой на плече Юра пошел по пыльным доскам, зло выстукивая сандалиями:

— Говномериум!

— Жопорватиум!

— Ебанатиум!

Доски глупо гудели от ударов Юриных подошв. Это совсем разозлило его. Пройдя весь перрон, он развернулся, разбежался и широко запрыгал, как прыгают легкоатлеты тройным прыжком, впечатывая всю свою злость в облезлые доски:

— Дуроплясиус!

— Говномесиус!

Доски загрохотали.

Юра поравнялся с решетчатым щитом со словом "БОР":

— Бородан!!

— Боронос!!

— Бороул!!! Ну ког! да! же?!

— Через восемь минут, — слышался голос.

Юра обернулся. На скамейке, мимо которой он только что пропрыгал, сидел человек. Это было так неожиданно, что Юра замер как вкопанный. Толстый, одутловатый мужчина в светлой летней одежде сидел и смотрел на Юру.

— Что... — пробормотал Юра, не веря своим глазам.

— Через восемь минут будет поезд, — произнес мужчина.

Его большое, мучнисто-белое, грушеобразной формы лицо ничего не выражало. Ничего. Просто совсем ничего. Впервые в своей жизни Юра увидел такое лицо.

— Поезд? — переспросил он, не в силах оторваться от этого лица.

— Электричка.

Маленькие, выражающие *ничего* глазки смотрели на Юру. Ему показалось, что лицо заморожено. А сам человек... из морга. Мертвец. Труп. Юре вдруг стало плохо, как от солнечного удара, кото-

рый случился с ним в Баку прошлым летом. Ноги его задрожали.

— Присаживайтесь, — произнесли замороженные губы. — Вы, очевидно, перегрелись. Жарковато для начала июня.

Юра плюхнулся на скамейку. Вдохнул, приходя в себя, провел рукой по вспотевшему лбу.

— В жару лучше не прыгать тройным, — произнес мужчина.

Юра посмотрел на толстяка. Он сидел все так же, замороженно глядя перед собой. На нем была старомодная летняя одежда: белая панама, бежевый летний костюм, под ним белая косоворотка с расширенным воротом. Из-под широких бежевых брюк виднелись белые коленкоровые полуботинки. Такие летом носил один забавный друг покойного дедушки, нумизмат, балагур и пьяница. Тоже уже покойный. Эти смешные полуботинки привели Юру в чувство. Он выдохнул. Вдохнул. И снова выдохнул. Уже спокойно. Морок вдруг прошел. И Юре стало легко и весело.

“Откуда он свалился? — подумал он. — Ком с горы... Почему я его не заметил? Вправду, что ли, перегрелся?”

Толстяк спокойно-равнодушно смотрел перед собой, не меняя позы.

— Восемь минут. Вы знаете расписание? — спросил Юра.

— И не только.

Юра глянул на свои часы:

- Через восемь?
- Через семь.
- У вас что, в голове часы?
- И не только.

Юре стало еще легче и веселей. Он облегченно рассмеялся, почесал затылок.

- То есть вы все на свете знаете?
- Почти.
- Хорошо. Что такое миттельшпиль?
- Середина шахматной партии.
- Так. А... Бетельгейзе?
- Звезда в созвездии Ориона. Красный сверхгигант размером с орбиту Юпитера.
- Отлично! Ну а кто такой Дэйв Брубек?

Замороженные губы сузились и довольно точно нахвистели *Take Five*.

— Атас... — потрясенно выдохнул Юра, хлопнул себя по коленкам и рассмеялся. — Вы музыкант! Точно, да? А музыканты еще и в шахматы хорошо играют, правда? Вы джазмен?

- Нет, — спокойно ответил толстяк.
- Ну, правда ведь, а? На чем играете? На саксе? На трубе?

Толстяк молчал.

— Хорошо. Игра в секреты... Тогда скажите мне вот что... где находится... м-мм... Гнилое Бучило?

- Тверская область, Селижаровский район.

Юра опешил. Это место знали только в небольшой деревеньке, куда они с отцом и бабушкой ездили